

НАТАЛИЯ СОТНИКОВА

ФАВОРИТКИ И ФАВОРИТЫ

*Музы
героев
То ты сторону
великих перемен*

Фаворитки и фавориты

Наталия Сотникова

**Музы героев. По ту
сторону великих перемен**

«Алисторус»

2021

УДК 82-84
ББК 84.3

Сотникова Н. Н.

Музы героев. По ту сторону великих перемен /
Н. Н. Сотникова — «Алисторус», 2021 — (Фаворитки и
фавориты)

ISBN 978-5-00180-019-4

События Великой французской революции ошеломили весь мир. Завоевания Наполеона Бонапарта перекроили политическую карту Европы. Потрясения эпохи породили новых героев, наделили их невиданной властью и необыкновенной судьбой. Но сильные мира сего не утратили влечения к прекрасной половине рода человеческого, и имена этих слабых женщин вошли в историю вместе с описаниями побед и поражений их возлюбленных. Почему испанку Терезу Кабаррюс французы называли «наша богоматерь-спасительница»? Каким образом виконтесса Роза де Богарне стала гражданкой Жозефиной Бонапарт? Кем вошла в историю Великобритании прекрасная леди Гамильтон: возлюбленной непобедимого адмирала Нельсона или мощным агентом влияния английского правительства на внешнюю политику королевства обеих Сицилий? Кто стал последней фавориткой французского короля из династии Бурбонов Людовика XVIII? В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 82-84
ББК 84.3

ISBN 978-5-00180-019-4

© Сотникова Н. Н., 2021

© Алисторус, 2021

Содержание

Подруги по несчастью	7
Тереза, раба моды	7
В начале пути	7
Разлука с родиной	8
В салонах Парижа	11
Семейное счастье	12
Жизнь à la mode[6]	14
Три цвета времени	17
Крушение семейного ковчега	19
Комиссар Конвента	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Наталья Сотникова
Музы героев. По ту
сторону великих перемен

© Сотникова Н.Н., 2021

© ООО «Издательство Родина», 2021

Подруги по несчастью

Тереза, раба моды

В начале пути

Жизнь этой жеприклучений на фоне величайших потрясений, перенесенных нации – непрерывная цепь романтических Францией в конце XVIII – начале XIX веков. Заодно ее житие является яркой иллюстрацией того, как неутолимая страсть французского общества к переменам и отсюда слепое следование моде, сколь нелепой бы она ни была, в известной мере определило земной удел Терезы Тальен. Судьбе было угодно часто сводить ее с людьми далеко незаурядными, и она изо всех сил старалась удержаться в их окружении, сознавая, что отблеск их популярности выставляет в наиболее выгодном свете и ее собственные достоинства. О самом раннем периоде ее жизни сохранилось очень мало сведений, так что историки зачастую могут опираться только на то, что считала нужным поведать миру о себе сама Тереза. Учитывая склонность мадам Тальен к театральной позе и красивому словцу, ее рассказы иногда имели самую отдаленную связь с реальной действительностью – если вообще имели такую.

Эта хрестоматийно французская по характеру и образу жизни женщина, тем не менее, чистокровной француженкой не была. Она родилась в Испании, в семье, как бы мы назвали его теперь, делового человека Франсиско Кабаррюса (1752-1810). Отец стал первой яркой личностью в жизни Терезы. Он происходил из баскско-французской купеческой семьи, проживавшей в Байонне, на границе с Францией. Франсиско в юности получил неплохое образование в религиозном коллеже, но довольно рано проявил устремление к независимости и в возрасте 18 лет бесповоротно разругался с отцом. Тот отправил его набираться делового ума-разума в Валенсию к своему компаньону и агенту Антонио Галаберту. Там юноша немедленно влюбился в дочь хозяина, 14-летнюю Марию-Антонию. Долго скрывать эту любовную связь было невозможно, и, когда тайное стало явным, обе семьи воспротивились заключению столь раннего и опрометчивого брака. Молодые люди сумели тайно обвенчаться, что по испанским обычаям грозило стать скандальной темой для пересудов соседей и обличения со стороны местных священников. Положение спас дед Марии-Антонии, предложивший отправить юную чету в маленький городишко Карабанчель-де-Арриба под Мадридом, где ни шатко ни валко шли дела на его мануфактуре по производству мыла.

Именно там 31 июля 1773 года родился первенец молодой семьи, девочка, которую окрестили Хуана Мария Игнасия Тереза. Вслед за ней на свет в 1774 и 1776 году появились ее братья, соответственно Доминик и Франсиско. Тем временем их отец явно не собирался ограничивать круг своей деятельности прозябанием на мыльной мануфактуре, которая под его руководством начала процветать. Кабаррюса совершенно не устраивала жизнь благообразного негоцианта, каким его изобразил на портрете знаменитый художник Ф. Гойя. Этот человек в костюме оливкового цвета, зажавший под мышкой треуголку, вроде бы совершенно доволен и собой, и жизнью, что ни капельки не соответствовало действительности. Его интерес простирался на мир больших финансов, и он с головой окунулся в эту рискованную, но столь высокодоходную область. Источники происхождения его огромного состояния так и остались неизвестными.

В 1881 году Франсиско получил испанское гражданство, далее сдружился с некоторыми видными личностями, в частности, с будущим министром юстиции, крупными политиками, и

в 1783 году создал первый национальный испанский «Банк Сан-Карлос», впоследствии преобразованный в «Банк Испании». Далее Кабаррюс стал советником короля Карлоса IV, и в 1789 году монарх пожаловал ему титул графа. Когда Наполеон Бонапарт захватил Испанию и сделал королем своего брата Жозефа, Франсиско Кабаррюс был назначен министром финансов, но вскоре скончался и был похоронен в соборе Севильи. По-видимому, в народе он оставил по себе дурную память, ибо после окончания освободительной войны его захоронение было осквернено, а останки выброшены неизвестно куда.

Семейство финансиста, естественно, каталось как сыр в масле, жене Кабаррюса роскошные платья и парики доставлялись прямиком из Парижа. Портрета этой женщины не сохранилось, но дочь вспоминала свою матушку как создание красивое, хотя и чрезвычайно меланхоличное. Сама Тереза с молодых ногтей отличалась пригожестью и шаловливым нравом, даже тогда ее страшно прельщала возможность быть объектом внимания и восхищения окружающих. Поскольку детей в то время не воспринимали как существ с особым складом психики, а просто как взрослых небольшого роста, то в состоятельных семьях девочек уже в девять-десять лет одевали как дам. Терезу рано заковали в корсет и облачили в платья из плотной ткани, тяжелые от вышивки и сложной отделки.

Второй яркой личностью, с которой Тереза столкнулась в детстве, был секретарь ее отца, Леандро-Фернандес де Моратин, будущий выдающийся драматург, которого называли не иначе как «испанский Мольер». В возрасте 18 лет ему пришлось пережить глубокое душевное потрясение: он влюбился в прелестную 15-летнюю Сабину Конти. Когда об этом узнали члены могущественной семьи девушки, они постарались поскорее выдать ее замуж за богатого родственника почтенного возраста. Это настолько ошеломило молодого человека, что с той поры он пользовался исключительно услугами продажных женщин и сделался неисправимым циником. Тем не менее, он не чурался общения с любопытными отпрысками работодателя и, осознавая свою миссию просветителя, старался популярно объяснить им весьма сложные вещи.

Сам Франсиско Кабаррюс был человеком просвещенным, вольнодумцем, увлекался чтением Вольтера и Руссо и ни в грош не ставил религию, предпочитая поклоняться единственному божеству – человеческому разуму. Он хотел, чтобы его дети получили как можно более разностороннее образование, поэтому им преподавали историю, математику, латынь и итальянский язык. Терезу обучили играть на клавесине, арфе и гитаре, а также недурно петь; помимо этого девочка с увлечением рисовала очень милые акварели. К ней приставили гувернантку-мадмуазель, поэтому французский язык рано стал для нее родным.

Разлука с родиной

Трудно сказать, в каком возрасте родители отправили ее в Париж, предположительно, это произошло либо в 1786 либо в 1787 году. Они поставили себе целью придать ее образованию окончательный столичный лоск, который поможет ей найти достойного мужа. Некоторые исследователи полагают, что Тереза пару лет продолжала обучение в Париже либо в монастыре у сестер-бенедиктинок, либо в пансионе для благородных девиц, но точные данные отсутствуют. Собственно говоря, для удачного замужества не столь важно было образование невесты, сколь размер ее приданого. Тереза не принадлежала к дворянскому сословию, значит, положение жены отпрыска благородного рода надлежало купить за колоссальную сумму. Брак у французов давным-давно превратился в сделку, для осуществления какой требовалось посредничество свахи, получавшей комиссию за поиски и подбор искомой кандидатуры. Величина комиссии зависела от величины приданого. Тереза рано созрела и в 14 лет выглядела уже вполне оформившейся юной девушкой. Она была чрезвычайно привлекательна яркой южной красотой, выделявшей ее среди анемичных парижанок. Отец был готов дать за доче-

рю четыреста тысяч ливров¹, огромную сумму по тем временам. Для того, чтобы представить себе покупательную способность того времени, учтите, что квалифицированный рабочий, отягощенный многочисленной семьей, зарабатывал один ливр в день.

Поисками подходящего жениха должна была заняться мадам Буажелу де Ламансельер, вдова королевского советника в Парижском парламенте (высшем суде). Известно, что во Франции существовало, так сказать, три класса дворянства: дворянство шпаги (военные), сутаны (духовенство) и тоги (каста судебных чиновников). Естественно, судебские чинуши имели наименьшие шансы сделать карьеру при дворе, но были состоятельнее полностью разорившихся аристократов, а потому их охотно принимали во второстепенных салонах. В обществе предреволюционного Парижа довольно четко выделялись две основные тенденции: погоня за плотскими наслаждениями и погоня за умственным совершенствованием.

В XVII веке стараниями драматургов-классицистов, авторов рыцарских романов и поэтов за любовью еще пытались сохранить некий возвышенный идеальный образ. Однако этот образ окончательно утерял свои идеальные черты в период Регентства, прославившегося крайним распутством аристократии, и превратился в отчаянную погоню за постоянной сменной плотских ощущений, непрерывный поиск новых наслаждений, способных возбудить пресыщенный излишествами вкус. Мужчины бездумно множили число своих завоеваний, от них не отставали женщины, которые пускались во все тяжкие, лишь бы достичь вершин в искусстве соблазнения. Добродетели семейной жизни осмеивались, супружеская верность считалась пережитком и уделом низших слоев общества. В моду начинают входить всяческие сексуальные извращения. Париж превратился в европейскую столицу галантных приключений.

Слухи о возможности подцепить богатого поклонника, который будет содержать свою любовницу, ни в чем не отказывая ей, привлекали в город толпы бедных молодых девушек, мечтавших вырваться из беспросветной нужды, ибо прожить на заработок работницы не представлялось возможным. Во времена царствования Людовика XVI в Париже насчитывалось более сорока тысяч проституток. Они выходили на промысел в места развлечений – поблизости от кафе и ресторанчиков, на ярмарки, балы, театральные представления. Проститутками пользовались все, от аристократов и священников до мелких чиновников и рабочих, которых уже тогда стало довольно много. Была велика опасность подцепить венерическое заболевание, а потому возник высокий спрос на мастурбацию и оральный секс – намного безопаснее и быстрее. Самые шикарные проститутки фланировали в районе Палэ-Рояля, принадлежавшего тогда герцогу Орлеанскому; именно в то время вокруг дворца росли как грибы бордели высшего класса.

Но старания просветителей не остались втуне – общество также заразилось интересом к приобретению знаний. Хотя женщины и оставались в глазах сильной половины слабым полом, требования к ним также изменились. Уже было недостаточно красоты и бездумного кокетства – в моду вошло выражение *rouge et esprit*², т. е. прекрасной даме надлежало еще и быть умной, дабы овладеть сноровкой поддержать разговор в одном из многочисленных салонов, которыми изобилует Париж. Мадам Буажелу наняла преподавателей, которым надлежало вложить в смышленную головку Терезы начала философии, а также обучить ее профессионально декламировать монологи из трагедий Расина. Опытная сваха своим глазом профессионала должным образом оценила красоту Терезы, но это сокровище требовало надлежащей оправы в виде новомодного туалета. Мадам облила презрением дорогущие платья матери девочки:

– Французская мода не стоит на месте. Сейчас весь Париж носит туалеты более мягких линий, дорогая, – и пожилая дама с упоением старой сплетницы рассказала историю, не так давно потрясшую местное общество.

¹ Для перевода в евро по курсу 2006 года эту сумму надлежит умножить на 2,5.

² Румяна и ум (*фр.*)

Как известно, законодательницей моды в ту пору была королева Мария-Антуанетта, окрещенная в народе презрительным прозвищем «австриячка». Ее портниха, швейцарка Роза Бертен, ввела в моду жесткий силуэт с затянутой в корсет талией и необъятными, раздавшимися вбок с обеих сторон юбками. Для этого под ними привязывали к талии с обеих сторон так называемые панье, подкладки, обеспечивавшие эту гротескную форму. Наиболее завзятые модницы увлекались настолько, что могли пройти в дверь лишь повернувшись боком. Платья были перегружены всякого рода отделкой, обеспечивавшей эти жесткие формы. Неизвестно, кому пришла в голову мысль проявить иной подход к силуэту платья, самой королеве или портнихе, которую в шутку прозвали «министр моды». Известно, что домашние платья с мягкими очертаниями ввели в обиход еще фаворитки Людовика XV, маркиза де Помпадур и графиня Дюбарри, но они не перешагнули порог их будуаров.

Тем временем жизнь менялась. Бешеную популярность обрели идеи просветителя Жан-Жака Руссо об отказе от оков цивилизации и жизни на лоне природы в соответствии с ее законами. По-видимому, они произвели сильное впечатление на королеву, которая пожелала время от времени удаляться из королевского замка с его мелочным этикетом и отдыхать душой с ближайшими друзьями в своем собственном царстве. В 1782-83 годах в парке Версальского замка, рядом с Малым Трианоном, созданным некогда для маркизы де Помпадур, по планам Марии-Антуанетты построили так называемую «деревеньку», вне всякого сомнения, в России ее окрестили бы потешной. Там появилась мельница чисто декоративного вида, но совершенно настоящие молочная ферма и курятник, в которых хозяйничали натуральные крестьяне. Естественно, корсет, фижмы, вышитые шелк и атлас, громоздкие прически со страусиными перьями выглядели бы здесь более чем нелепо, и королева резвилась там в ином туалете. Возможно, здесь сыграли свою роль и новые ткани, привезенные из колоний, в частности, муслин, полупрозрачная белая хлопчатобумажная ткань. Европейки, проживавшие в заморских колониях Франции, при всем желании не могли пользоваться придворными туалетами в жарком и влажном климате, скажем, Малых Антильских островов.

Итак, в 1783 году известная художница Виж-Лебрён (автор около трех десятков портретов Марии-Антуанетты) выставила в Салоне свой очередной шедевр. Королева предстала на нем с неуложенными в прическу слегка напудренными волосами, соломенной шляпе с лентой и пером. Платье было неожиданно простым: из белого муслина с мягкими линиями, обвязанное по талии широким поясом, рукава пышные, но перехваченные в трех местах лентами, довольно обширное декольте отделано волнистыми рюшами. Дамы жадно впитывали все детали платья, на изображение каковых художница была превеликая мастерица. Каждая мысленно прикидывала, как это будет выглядеть на ней. Широкие массы, до которых изображение этой картины вскоре дошло в гравюрах, остались ею чрезвычайно недовольны. По их мнению, королева, которую они сами на всех углах проклинали за мотовство, была одета слишком бедно. Повелительница самого крупного государства Европы должна была ослеплять своим туалетом. Платье тотчас же презрительно обозвали «сорочкой королевы», и именно под этим названием оно и вошло в моду.

Туалеты – туалетами, красота – красотой, но наличие у девушки на выданье некоторой изюминки сильно повышало ее шансы подцепить выгодного мужа. Мадам де Буажелу обрадовал тот факт, что Тереза хорошо владела музыкальными инструментами и неплохо пела. Она заставила девочку продемонстрировать весь свой репертуар и пришла к выводу, что исполнение оригинальной испанской песенки под аккомпанемент ритмичной мелодии на гитаре придаст появлению Терезы в светском обществе желаемую оригинальность. Когда мадам де Буажелу сочла, что Тереза достаточно подготовлена к появлению в обществе, началось посещение салонов.

В салонах Парижа

Сначала это были незначительные собрания с заурядными и откровенно наводящими тоску гостями, где все разговоры крутились вокруг последних придворных сплетен. Но во время одного из таких вечеров красота и артистические способности Терезы привлекли внимание графини Стефани-Фелисите де Жанлис, воспитательницы детей брата короля, герцога Орлеанского. Путь этой женщины в высшее общество был непрост, она происходила из древнего, но совершенно разоренного дворянского семейства. Дошло до того, что им негде было приклонить голову, и ее мать вместе с детьми кочевала из дома в дом по провинциальным родственникам, а отец пропал неизвестно где, промышляя самым натуральным мошенничеством. Сама Стефани-Фелисите сделала головокружительную карьеру в обществе благодаря тому, что, невзирая на все превратности судьбы, выучилась виртуозно играть на арфе. Это привело ее в детскую к дочерям герцога Орлеанского, любовницей которого молодая женщины вскоре и стала. Впоследствии герцог доверил ей воспитание также своих сыновей и добился дарования ей графского титула.

С рекомендации графини де Жанлис перед Терезой открылись двери самых значительных салонов, где она произвела фурор своей красотой и умением поддерживать внимание к своей особе. Здесь девушка узнала многих видных людей того времени, таких как мадам де Сталь, уверенно претендовавшую на титул самой умной женщины Европы, Талейрана, облаченного в ту пору в сутану епископа, отталкивавшего своим изрытым оспой лицом графа Мирабо и недавно вернувшегося из Америки героя Нового Света графа де Лафайета. Утверждали, что его помощь оказалась решающей для Джорджа Вашингтона в освобождении американских колоний от гнета ненавистных англичан. Красота Терезы привлекла толпу поклонников, и начитавшаяся романов девушка вскоре влюбилась. Объектом ее первого чувства стал Александр-Луи де Меревиль, сын маркиза де Лаборда. Начался короткий роман по всем канонам романтизма: юноша подарил Терезе, как было тогда модно, изображение своего силуэта, она ему – перламутровый медальон с локоном своих каштановых волос. Желая получить в жены не глупенькую наивную девочку, а достойного сексуального партнера, он также, вполне в духе времени, начал потихоньку пробуждать в ней вполне созревшую чувственность. Девушка не стала скрывать своего увлечения от мадам де Буажелу, и та пришла в восторг, ибо лучшего жениха и желать было нечего. Но как только Александр-Луи заикнулся отцу о желании жениться на Терезе, тот ответил категорическим «нет», и никакие мольбы сына и угрозы уехать в Америку не смогли смягчить этот отказ. Маркиз, потомок предков, отличившихся в войнах под командованием великого полководца, принца де Конде, не желал видеть своей невесткой безродную испанку, дочь «банкира-корсара», как его называли во французском обществе, бывшего владельца мыльной мануфактуры. Любовь кончилась так же стремительно, как и вспыхнула. Александр-Луи действительно уехал в Америку и через несколько месяцев после прибытия погиб там в вооруженной стычке с индейцами.

Тереза тайно плакала по ночам и улыбалась как ни в чем не бывало вечером в салонах, а мадам Буажелу удвоила свои усилия и вскоре будто бы нашла подходящего кандидата по имени Жан-Жак Девен де Фонтене, королевский советник, член парламента Парижа, где его отец состоял председателем Счетной палаты. Вот что писал об этом молодом человеке Франсиско Кабаррюсу его дядя, Леон Лалан, проживавший в Париже, в конце декабря 1787 года:

«Считаю, мой дорогой племянник, что я должен присоединиться к моему брату и прочим мнениям, дабы предложить вам брак, каковой кажется мне чрезвычайно подходящим для вашей дочери. Речь идет о господине Девен де Фонтене, советнике в парламенте Парижа, сыне господина Девена, председателя Счетной палаты... Прочее семейство, весьма обширное,

чрезвычайно почтенно и принадлежит к числу наилучших из судебной среды и высшей буржуазии Парижа. Господину Фонтене 26 лет, у него хорошая репутация в обществе, приятный характер, свои дела он содержит в полном порядке. Таковы результаты справок, которые я навел. Его состояние на настоящее время составляет миллион сто тысяч ливров, что приносит ежегодный доход пятьдесят четыре тысячи. Сие есть состояние его матери, скончавшейся пятнадцать лет назад. Председатель Девен, его отец, являет собой человека мягкого, почтенного и честного. Он обещает уступить свою должность³ сыну, если тот пожелает. Я ответил ему, что ваша милость вполне удовлетворится, если он останется советником Парламента. Далее я предложил ему приданое в размере пятьсот тысяч ливров, но, по получении вашего письма, что вы не можете дать более четырехсот тысяч, оставляя, естественно, за вашей дочерью права на наследство, сей человек нанес мне визит. По этому поводу он высказал мне самые уместные и в то же время разумные и приемлемые мысли. Дабы не утрудить вас чрезмерно, скажу, мы договорились, что, если, помимо четырехсот тысяч ливров ваша милость гарантирует ему в контракте выплату в течение десяти лет ста тысяч без процентов, то сделка заключается немедленно, причем вы сохраните права на наследство. Решение, ваша милость, теперь за вами. Если сие предложение вас устраивает, вам потребуется всего-навсего выслать доверенность, и ваша дочь вступит в брак еще до великого поста. В противном случае попытаемся сыскать другую партию. Однако, как бы то ни было, прошу вас, ответить мне незамедлительно. Молодой человек обещал мне подождать, хотя я также дал обязательство, что не будет затрачено лишнего времени сверх необходимого. Мне ведомо, что он рассматривает и другие партии, одна из которых чрезвычайно выгодна.

С самой искренней любовью к вам, дорогой племянник,
ваш Лалан».

Сделка заключена! Это выражение громко звучало в мозгу Терезы, когда она думала о своем браке. Де Фонтене оказался рыжеволосым молодым мужчиной с уверенным взглядом человека, знающего себе цену и вполне удовлетворенного своим положением в обществе, хотя и не в самых его верхах, но весьма престижных кругах. Он не был ни слишком умен, ни слишком недалек, ни красив, ни безобразен, ни высок, но и ни мал ростом. Мадам де Буажелу, склоняя Терезу к этому браку, весьма образно сравнила выбор супруга с подбором обуви:

– Что лучше – облюбовать остроносые парадные туфли на высоком каблучке или домашние шлепанцы? Удобнее всего чувствуешь себя в шлепанцах.

Что же касается галантных приключений, то, обвенчавшись и родив от законного супруга наследника семейного состояния, женщине совершенно не возбраняется обзавестись любовником. Как выразился один из французских мудрецов, «среди людей низкого знания легко встретить удачные браки, но среди знати не известен ни один случай человеческой любви». Так что Терезу никто и спрашивать не стал, все было решено без нее.

Семейное счастье

2 февраля 1788 года был подписан брачный контракт, согласно которому отец давал за дочерью 400 тысяч ливров и еще 100 тысяч с рассрочкой платежа на десять лет и без процентов. Состояние жениха включало в себя два особняка в Париже и один в поместье Фонтене-о-Роз недалеко от столицы, 830 тысяч ливров и 60 тысяч годового дохода, обеспечиваемого его должностью королевского советника. После завершения всех формальностей, 21 февраля 1788 года в парижской церкви Св. Эсташа, после обязательной публикации извещений о предстоящем событии, молодых людей обвенчали. Из-за недавней смерти одного из родственников Жан-

³ В то время должности во Франции продавались и могли передаваться по наследству.

Жака обряд совершили без особой помпы, длина шлейфа свадебного платья невесты составляла всего четыре локтя. Зато свидетелями со стороны Терезы помимо дяди Лалана и мадам Буажелу, мысленно радостно подсчитывавшей луидоры, заработанные ею на удачном сватовстве, были генеральный консул Хосе Окариз и посол Испании во Франции граф Фернан де Нуньес. Присутствие таких важных лиц говорило о том, что положение отца Терезы в Испании коренным образом изменилось.

– Улыбайтесь, дорогая, – нашептывала на ухо невесте мадам де Буажелу, закрепляя на ее волосах испанскую мантилью из старинных кружев. – Для таких красавиц как вы личная жизнь с замужеством не заканчивается, а только начинается! Теперь вы обретаете истинную свободу!

Тереза прекрасно понимала, о чем идет речь. Девен де Фонтене не относился к числу тех мужчин, с которыми она в своих девичьих мечтах хотела бы пойти под венец, но в супружестве с ним приобретала статус знатной дамы, доступ в избранные салоны Парижа, недурную финансовую обеспеченность и свободу любить, кого ее душе угодно. Вскоре после бракосочетания муж Терезы за 400 тысяч приобрел наследственный маркизат, дабы окончательно и непоколебимо утвердиться в положении титулованного аристократа.

Они считались идеальной парой. Тереза выделялась своей красотой и принесла в семью хорошее приданое. Жан-Жак обладал всеми качествами истинно светского человека, в первую очередь, был англоманом. Высшие круги французского общества охватило поветрие на все, что приходило с противоположного берега Ла-Манша: английские экипажи, скаковые лошади, за которыми ходили английские грумы и объезжали английские жокеи, лошадиные скачки, английские охотничьи псы и такой предмет одежды как редингот⁴, который носили как мужчины, так и женщины. Супруг Терезы также не отставал и в прочих светских характеристиках: за полночь засиживался за игрой в карты и, чтобы не вставать из-за стола, подкреплялся бутербродами, которые ввел в моду лорд Сандвич. Дабы не прослыть человеком узких интересов, по необходимости он мог принять участие в интеллектуальной беседе и при этом не ударить лицом в грязь.

Тереза же производила фурор в парижских салонах самой высшей пробы. Вот как барон Монбретон де Норвен описал ее появление в одной из гостиных, где уже царила самая знаменитая красавица Парижа, виконтесса де Ноай: «Необходимо признать: виконтесса де Ноай, прелестная, очаровательная француженка с головкой, увенчанной короной золотистых волос, была свергнута с трона восхитительной андалузкой, блиставшей великолепными черными как смоль волосами длиной до пят ее крошечных ножек, набором человеческих совершенств, которыми Творец осыпал эту головку во время райского праздника, дабы показать свету образ красоты матери рода человеческого».

Для своего времени Тереза обладала довольно высоким ростом, пять футов шесть дюймов, отчего заслужила прозвище «Диана-охотница». У нее был идеальный овал лица, маленькая головка, длинные шелковистые черные волосы, большие выразительные карие глаза, выгнутые дугой, будто выписанные тончайшей кисточкой брови, густые длинные ресницы, маленький ротик, алые губы, между которыми поблескивали белоснежные зубы, очень белая кожа. Она излучала здоровье и радость жизни, по выражению современников, «соединяя в себе французскую живость с испанской чувственностью». Каждое утро она убивала пропасть времени на туалет, глубокомысленную беседу с парикмахером по поводу нового фасона прически и решение важнейшего вопроса: куда прикрепить очаровательную мушку из черной тафты? Решение этой сложной проблемы определяло характер действий на целый день. Тереза никогда не наносила мушку на свой прекрасный лоб – высоко справа это означало «завор-

⁴ От английского riding coat, верхняя длинная двубортная часть одежды для верховой езды, которую во Франции носили как обычную уличную одежду. Особую популярность приобрел в девятнадцатом веке, позднее рединготом стали называть длинное женское пальто.

ница», несколько слева и поближе к переносице – «неприступная», ни та, ни другая позиция не отвечала ее стратегиям. Другое дело прилепить ее рядом с наружным уголком левого глаза – «страстная», правого – «готовность» или слева поближе к кончику носа – «дерзкая»; в нижней части правой щеки – «нерешительная», на противоположной стороне – «склонная к галантным приключениям», справа от уголка рта – «кокетка», пониже левого уголка рта – «скромница», почти посередине в верхней части подбородка – «игривая». Она заранее набирала в свою свиту множество поклонников, чтобы, хладнокровно оценив все их стати, затем отдаться наилучшим из них.

2 мая 1789 года мадам Девен де Фонтене, которой не исполнилось еще и 16 лет, родила первенца Теодора и на том сочла свой супружеский долг исполненным. Правда, она и здесь не упустила повода для того, чтобы подтвердить свою приверженность во всем следовать моде. Обычно состоятельные дамы нанимали кормилицу и няньку, заглядывая в детскую только для того, чтобы перекрестить чадо на ночь. Однако Жан-Жак Руссо, принеся с собой новые идеи материнства, образованности, чуткости и гуманности, положил начало моде на все естественное, утверждая, что женщина должна лично кормить свое дитя. Наиболее прогрессивные женщины немедленно последовали его совету, причем самые рьяные занимались этим на виду у гостей, собиравшихся в их салонах. Так далеко Тереза заходить не стала, но с полгода свой материнский долг аккуратно исполняла. Не сказать, чтобы кормление разбудило в ней чувство привязанности к ребенку, зачатому и рожденному в нелюбви, и впоследствии она признавалась, что этот процесс порождает в ней всего-навсего ощущение дойной коровы.

Но вот единственной модной тенденцией, которой не поддалась Тереза, было полное неприятие ею столь популярной тогда романтической чувствительности. Манеру по мельчайшему поводу тонуть в слезах быстро усвоила виконтесса Роза де Богарне, прилюдно разразиться рыданиями могла даже деятельная мадам де Сталь. То ли Тереза переняла от отца способность трезво оценивать обстановку и не распускать нюни понапрасну, то ли природная жизнерадостность не позволяла ей тратить душевные силы на оплакивание всякой ерунды, но чувствительность ей была совершенно не свойственна. Она хотела жить и наслаждаться жизнью, а потому не собиралась терять время на всякие ненужные мелочи и немедленно обзавелась двумя любовниками.

Одного из них звали граф Александр де Ламет (1760-1829), он вместе с двумя братьями провел несколько лет в Америке, сражаясь в Войне за независимость колонии от Великобритании, был дружен с президентом Джефферсоном. Вторым был красавец-блондин Феликс Лепелетье де Сен-Фаржо (1767-1837)⁵, обоим было суждено играть видную политическую и военную роль в истории Великой французской революции. Оба прекрасно знали, что являются соперниками, но проявлять чувство ревности считалось недостойным для людей, принадлежавших к классу избранных. Они осознавали, что превосходство подтверждается делами и из кожи вон лезли, изыскивая средства, дабы убажить Терезу. Что же касается до маркиза де Фонтене, тот вовсе развлекался с красотками на стороне. Это вовсе не было чем-то из ряда вон выходящим, супруги следовали правилам сосуществования всех французских пар.

Жизнь à la mode⁶

Тереза завела свой салон, который охотно посещали многие видные деятели того времени. Она хорошо усвоила себе ту истину, что общество жаждет постоянных изменений, живет в лихорадочной погоне за новыми, еще неизведанными удовольствиями, а потому необходимо

⁵ Лепелетье де Сен-Фаржо помимо своей политической деятельности прославился также своими любовными похождениями. Кроме Терезы, ему приписывали связь с Жозефиной де Богарне и присвоили прозвище «Алкивиада революции», ибо этот выдающийся древнегреческий политический деятель и полководец вел исключительно распутный образ жизни.

⁶ Согласно моде (*фр.*)

идти в ногу с новыми веяниями, еще лучше – немного забегать вперед. Все французское стало считаться тяжеловесным и архаичным, регулярные французские парки начали заменять английскими, сколь возможно близкими к природным пейзажам. Тереза часто устраивала для друзей пикники в Фонтене-о-Роз. Там дамы, облаченные в белые муслиновые платья и широкополые соломенные шляпы на «простых волосах» изображали из себя пастушек, лакомясь из корзиночек, украшенных разноцветными лентами, свежее испеченными булочками, печеньем и мороженым, приготовленными с использованием молока утреннего удоя и свежих яиц. Вечером в Париже надлежало время от времени посещать театр; днем – прогуливаться в центре города в сопровождении либо одного любовника, либо обоих.

Надо сказать, что наряду с обретением свободы любить кого захочешь и славы украшения парижских салонов, Терезе было суждено познать оборотную сторону этих привилегий: она стала столь же желанным объектом нападок скандальной прессы и всяческих пасквилей, ходивших по рукам. Например, ее сыну Теодору до самой смерти так и не удалось отмыть свою репутацию от измышлений (по утверждению его матери, совершенно клеветнических), что отцом его является вовсе не маркиз Девен де Фонтене, а граф Александр де Ламет.

Но очень скоро это привычное времяпрепровождение коренным образом изменилось. Население постепенно охватывала предреволюционная лихорадка, которая уже завладела имущими классами, где процветали идеи Просвещения. Опыт правления просвещенных монархов, таких как императрица всея Руси Екатерина II, Иосиф II Австрийский, Фридрих II Великий, Густав III Шведский, сильно разочаровал передовые умы Европы. Постепенно наиболее здравомыслящим французам становилось ясно, что без существенных изменений в королевстве не обойтись. Тереза с ее тонким чутьем на все новое и многообещающее мигом уловила, что муслиновые платья, пикники на лоне природы и банальное кокетство – вчерашний день! Если хочешь прослыть передовой личностью и не растерять поклонников, необходимо срочно заняться политикой. Даже не блиставший особым умом Жан-Жак де Фонтене понял, что бездумное прожигание жизни – не самый оригинальный способ, чтобы удержаться в среде избранных.

Итак, супруги окунулись в бурную политическую жизнь Франции. Финансовое положение государства было катастрофическим, отчаянное положение в стране усугубили погодные катаклизмы, доведшие народ, в особенности крестьян, до крайней степени нищеты и голодания. Супруги де Фонтене поначалу сблизились с умеренными политиками, выступавшими за учреждение конституционной монархии. Они посещали заседания Генеральных штатов, Учредительного собрания, позднее Законодательного собрания и Конвента. Тереза была принята в Олимпийскую ложу свободных масонов и Клуб 1789, близкий к якобинцам, наиболее ярым противникам абсолютизма. Поступала она таким образом не из-за наличия каких-то твердых политических пристрастий, но для того, чтобы оставаться на виду и не отставать от новых политических течений. Тереза также сделала попытку посещать несколько женских клубов, но вскоре поняла, что они играли чисто декоративную роль. Их создавали уж совсем убогие умы женщины, дабы также не отставать от моды. Маркиз де Фонтене стал членом Якобинского клуба, но ничем себя там не проявил. Когда Парижский парламент был распущен, он в декабре 1790 года сделал попытку избраться судьей, но набрал всего несколько голосов.

Вокруг кипели политические страсти. Поскольку для ораторов настало полное раздолье, они бросились изучать опыт римских трибунов, а потому в моду постепенно начало входить все, связанное с древним Римом. Многие, подобно Мирабо, стали брать уроки дикции и жестикуляции у знаменитых актеров. Все стремились воссоздать эпоху, считающуюся расцветом цивилизации, особенный пыл проявили скульпторы и художники во главе с Жаком-Луи Давидом. Его холст «Клятва Горациев» стал визитной карточкой новой эры в сфере культуры и положил начало моде на принесение клятвы верности всему чему угодно, каковая продержалась довольно долго. Все прочие жрецы искусства также соревновались в разработке клас-

сических тем и композиций. Тереза со своей стороны постаралась внести античность в ритуал приема гостей. Отныне, когда в загородный дом, Фонтене-о-Роз приезжали гости, их у ворот встречали девушки, подносявшие каждому по две красные розы. С одной стороны, это было некое символическое указание на название поместья, с другой – в древнем Риме розы подносились победителю.

Как известно, 14 июля 1789 года мятежный народ штурмом взял Бастилию, слывшую оплотом самодержавия и беззакония. Никто не знал конкретно, что творилось в стенах этого узилища, построенного еще в XIV веке, но репутация у острога для представителей знати за века сложилась прескверная. Немалый вклад в возмущение озверевшей общественности внес дурной памяти маркиз де Сад, содержавшийся там с 1784 года.

Надо сказать, ему на условия заключения жаловаться не приходилось. Маркизу позволили обставить его камеру со всем возможным комфортом, включая личную библиотеку из более чем сотни книг и флаконы одеколона и парфюмерной воды с ароматом розы и флердоранжа. На содержание этого труженика пера сомнительной чистоты отпускалось девятнадцать ливров в сутки – и это в то время, когда подавляющая часть населения буквально умирала с голода. Узник принимал деятельное участие в картежных играх и сражениях на бильярде между заключенными и охранниками. Правда, где-то за месяц до июльских событий с ним поступили совершенно бесчеловечно, лишив ежедневных прогулок за зубцами стены, ибо он имел обыкновение оскорблять прохожих самыми последними словами, а также швырять в них камнями или поливать содержимым ночного горшка.

Оказавшись лишенным свежего воздуха, маркиз не успокоился и принялся подстрекать чернь к противозаконным действиям. Он соорудил из старого ночного горшка и трубы нечто вроде громкоговорителя и регулярно оповещал прохожих о бесчинствах, творящихся в стенах.

– Комендант намерен умертвить всех заключенных!

– Как раз сейчас перерезают горло сорока невинным!

Или:

– Народ должен освободить нас, пока не будет слишком поздно!

По мнению коменданта Делонэ, он погружался в такое опасное состояние возбуждения и потери рассудка, что дней за десять до взятия Бастилии маркиза отправили в приют для умалишенных в Шарантоне. Тем не менее, остановить озверевшую толпу, часть которой составляли женщины и дети, не удалось, и вскоре окровавленную голову Делонэ пронесли на пике по улицам Парижа, а узников освободили. Их оказалось всего семь (по характеру король Людовик XVIII был добрейшим человеком и почти не пользовался так называемыми *lettres de cachet*⁷): некий граф, лишенный свободы по настоятельной просьбе его семьи за слишком распутный образ жизни, четыре фальшивомонетчика (во все времена подобная деятельность считалась государственным преступлением) и двое душевнобольных. Не обнаружилось и камеры пыток; в качестве доказательств истязаний заключенных толпе предъявили зубчатое колесо пресса для производства масла из оливок и ржавый кусок древней металлической лестничной ограды. Тем не менее, толпа разнесла символ самодержавия по камешкам, которые тут же обрели материальную ценность, ибо стало модным вставлять их в серебряную или даже золотую оправу колец, браслетов и булавок для одежды. Высшим шиком у ювелиров считалось окружать их сакральными словами «свобода», «равенство» и «братство», инкрустированными драгоценными камнями, лучше всего трех цветов, ставших символом революции.

⁷ Королевское распоряжение о заточении в тюрьму без суда и следствия.

Три цвета времени

Французы всегда придавали огромное значение элегантности оформления и даже в годы бурных потрясений не отказались от этой привычки. Революционная смута расплзлась по стране, повсюду процветали грабежи и беспорядки, разгонялись старые органы управления городами. Новые власти решили создать нечто вроде гражданской милиции, в Париже числом примерно до пятидесяти тысяч человек. С одной стороны, эта новая Национальная гвардия была должна, насколько возможно, подавлять народные беспорядки, с другой – давать отпор попыткам вмешательства королевских военных сил. Естественно, это народное ополчение должно было иметь какие-то знаки отличия, ибо ввиду полного отсутствия средств об обеспечении единой формой одежды и думать было нечего. Решили снабдить гвардейцев кокардами, и тут же встал вопрос о выборе цвета. Сначала остановились на зеленом, издавна считавшимся цветом надежды, но тут же столкнулись с протестами, ибо зеленый был цветом брата короля, графа д'Артуа. Поступило предложение употребить цвета города Парижа, красный и синий. Однако это также были и цвета герцога Орлеанского, кузена короля. Правда, он активно принимал участие в революционных бурлениях, открыл для всеобщего доступа дворец Пале-Рояль и его сады, что несколько смягчило отношение публики к нему. Помимо этого герцог заявил, что вступает в ряды третьего сословия, за что тут же получил прозвище «Филипп-Эгалите»⁸. Поскольку с его молчаливого согласия в Пале-Рояле всю торговали памфлетами, поносившими короля и его супругу, красное и синее не сочли непатриотичным сочетанием. Как заявил один из популярных ораторов Камилл Демулен:

– Синий представляет небесный цвет будущей конституции, а красный – крови, которую надлежит пролить, чтобы заполнить ее.

Поскольку лозунгом революции была провозглашена известная троица «свобода, равенство, братство», к двум цветам добавили еще белый, и эта трехцветная кокарда надолго определила собой палитру красок революционного времени. Даже королевскую чету обязали носить трехцветные кокарды, чему они были вынуждены подчиниться: Людовик прикреплял ее на шляпу, а Мария-Антуанетта – либо на прическу, либо на грудь.

Наиболее дальновидные аристократы начали уезжать за границу и советовали королю сделать то же самое. Впрочем, титулы тогда еще не считались большим грехом, ибо все больше и больше дворян присоединялись к третьему сословию, чтобы реализовать создание реформированной формы правления – конституционной монархии. Что же касается самой Терезы, не следует забывать, что ей еще не исполнилось восемнадцати лет, в голове у нее была полная мешанина, единственное твердое направление, которого она придерживалась – не отставать от моды.

А мода менялась очень быстро и самым коренным образом. Мужчины отказывались от париков в знак того, что порвали как с прошлым, так и с монархией, и сблизилась с народом. Станным образом приверженность к парикку сохранил Робеспьер, который пудрил волосы до того дня, как положил голову под нож гильотины. Мужчины вместо расшитых цветных кафтанов перешли на черные или темно-серые костюмы более простого покроя и черные чулки. В моду входило подражание санкюлотам, «голодранцам». Эти представители народа обычно щеголяли длинными волосами до плеч и пышными усами. Они носили не облегающие панталоны до колена, а широкие и длинные до щиколоток, объемную рубашку, короткую куртку «карманьола», красный фригийский колпак (ранее это был головной убор бедняков и каторжников на галерах) и деревянные башмаки. Женщины выделялись широкими сборча-

⁸ Egalité – равенство (*фр.*).

тыми юбками до шиколотки из грубой ткани, поверх блузки они набрасывали на плечи большой платок, который туго стягивали узлом на груди.

Вместе с модами упрощались и нравы. Естественно, после отмены всех дворянских титулов были запрещены также устаревшие «мадам» и «месье», а в ход пошли «гражданин» и «гражданка». Для укоренения ощущения равенства и братства было изгнано обращение на «вы», и все прибегали к доселе непривычному «ты».

Революция покусилась и на святое святых – религию. Церковь была национализирована, ее собственность конфискована и распродана, связь с римским папой разорвана. Священники становились кем-то вроде госслужащих, которые должны были присягать на верность конституции, принятой Учредительным собранием. Для празднования годовщины падения Бастилии был устроен так называемый праздник Федерации, долженствующий продемонстрировать всеобщую радость. Ожидалось прибытие до миллиона человек, так что для проведения столь грандиозного мероприятия не могло быть выбрано иное место кроме Марсова поля. Там десятки тысяч рабочих насыпали огромный пирамидальный холм из земли, покрытый дерном, и воздвигли на его вершине некий алтарь Отечества. В день торжества туда стеклось около трехсот тысяч человек, и епископ Отенский Талейран, к тому времени избранный председателем Учредительного собрания, в сопровождении присягнувших Конституции 60 священников отслужил торжественную мессу. В отличие от обычного белого стихаря поверх ризы они щеголяли непривычными взору патриотичными трехцветными. Естественно, Тереза присутствовала на этом событии в шляпе с перьями все той же революционной расцветки. Правда, духоподъемное зрелище сильно подпортил проливной дождь, хлынувший с неба в самый неподходящий момент.

Постепенно обстановка усложнялась. Терезе пришлось отказаться от приемов в своем салоне, ибо 21 марта 1792 года вышел закон об установлении местными комитетами общественной безопасности слежки за лицами, рожденными за границей. Ей не помогло даже то, что она порвала связи с большей частью своих знакомых, выступавших за конституционную монархию, и будто бы примкнула к якобинцам. Тереза своим тонким нюхом учуяла тренд на предпочтении публикой более решительных взглядов на дальнейшее развитие революции. Из Испании приходили неутешительные вести: ее отец в результате интриг людей, завидовавших его быстрому обогащению, был арестован и заключен в тюрьму. Это окончательно испортило ее и без того неважные отношения с мужем. Как мы помним, по брачному контракту Франсиско Кабаррюс бы обязан выплатить зятю сто тысяч ливров в течение 10 лет. Теперь эти поступления прекратились, и де Фонтене обвинял жену во всех финансовых неурядицах семьи и вообще во всех бедах, которые с каждым днем все больше отравляли жизнь французам.

20 апреля 1792 года Франция объявила войну Австрии, и ее войско вторглось на территорию родины ненавистной королевы. Для противодействия им была создана коалиция из Австрии, Пруссии и Сардинского королевства, которая как следует потрепала деморализованные силы французов и дошла до Вердена. Масла в тлеющий огонь брожения народных масс подлил «Манифест герцога Брауншвейгского», главнокомандующего коалиционными войсками, в состав которых входило немало французских дворян-эмигрантов. Он грозил Франции немислимыми бедами, а Парижу полным разрушением, если королевской семье будет причинено «хоть малейшее оскорбление, хоть малейшее насилие». Вместо того, чтобы вселить в народ священный ужас, манифест произвел ровно обратное действие: 10 августа 1792 года в Париже произошло восстание, вылившееся в штурм королевского дворца Тюильри, защитники которого, швейцарские гвардейцы, были перебиты, а король низложен. Однако же слухи о том, что находившиеся в тюрьмах аристократы и не присягнувшие республике священники ожидают подкрепления в виде оружия и денег для поднятия мятежа, курсировали все более настойчиво. Они вылились в сентябрьские убийства, когда в течение 2-3 дней в начале сентября в тюрьмах Парижа восставшие горожане умертвили около двух тысяч человек.

Крушение семейного ковчега

Супруги де Фонтене теперь практически не покидали своего дома. Приобретать провизию становилось все труднее, и зачастую служанка не приносила с рынка ничего другого, кроме лука и капусты. Брак Терезы и Жан-Жака давно дал трещину, и поэтому, когда 20 сентября 1792 года вышел закон о разводе, они оказались в числе первых пар, пожелавших воспользоваться им. Уже 30 ноября 1792 года было дан ход делу, а 5 апреля 1793 года чиновник Антуан-Эдме Жакето удовлетворил ходатайство четы де Фонтене о разводе, вынесенное в присутствии супругов и свидетелей и с их подписями. Жан-Жаку исполнился 31 год, Терезе – всего девятнадцать.

К этому времени обстановка в Париже стала невыносимой. Многие аристократы эмигрировали, и даже обслуга старалась как можно меньше выходить из дому, стыдясь того, что они служат у «бывших». С Гревской площади на площадь Революции (до революции – площадь Карусель, ныне – Согласия) перенесли «Луизетту» – гильотину, машину для выполнения казней, ознаменовавшую собой, по мнению членов Учредительного собрания, несомненные «равенство, гуманизм и прогресс» в этом щекотливом, но жизненно нужным для продолжения революции вопросе. Казни путем повешения и отсечения головы сочли слишком мучительными, а потому на свет и появилось это научно и гуманистически обоснованное творение. На Гревской площади гуманно лишали жизни бандитов и фальшивомонетчиков, теперь же с эшафота лилась в основном голубая кровь аристократов, заподозренных в предательстве идеалов революции. 21 января 1793 года эта участь постигла короля.

Невзирая на развод, бывшие супруги решили вместе бежать в Бордо, где у Терезы было много родственников, в частности, дядя ее отца, богатый судовладелец. Жан-Жак де Фонтене надеялся, что он поможет ему отплыть на Мартинику и обосноваться там. Хотя у Терезы был испанский паспорт, она не могла уехать на родину: Франция и Испания находились в состоянии войны, а отец все еще томился в тюрьме. В простой одежде, с небольшим багажом, дабы не привлекать внимания грабителей, которыми кишели дороги, бывшие супруги с сыном и горничной Терезы покинули Париж. За четыре дня с кем они только ни столкнулись: с сотнями полуголых исхудалых детей, моливших о помощи из сточных канав, оголодавших крестьян и кучек санкюлотов, регулярно останавливавших экипаж в поисках аристократов и предателей отечества. Иногда это были более или менее организованные патрули из четырех-пяти человек, вооруженных пиками; нередко среди них были женщины, настроенные более чем воинственно. Они не стыдились подвергать Терезу и ее горничную дотошному обыску, включая самые интимные места. Учитывая опыт знающих людей, Тереза и ее спутница зашили драгоценности не в нижние юбки, как поступало большинство, а в корсеты, чем и спасли украшения. Луидоры спрятали небольшими порциями в разных местах. После начала обыска среди вялых протестов со стороны путешественников и к великой радости представителей революционных органов, беженцы выдавали одно или два укромных места, спасая все остальное.

Так они добрались до Бордо. По-видимому, де Фонтене либо не смог отплыть на Мартинику, либо изменил свои планы, ибо вскоре уехал в Нормандию. Тереза же поселилась в доме дяди отца и поначалу просто наслаждалась теплой солнечной погодой Бордо и царившей на улицах благостной атмосферой, которая не шла ни в какое сравнение с Парижем, где в любое время дня творилось революционное правосудие. После казни короля в Бордо, как и других крупных городах Франции, с тревогой принялись следить за тем, что происходит в столице. Обыватели все больше стали поговаривать о слишком быстром и непредсказуемом развитии событий. Постепенно возрастало недоверие к Парижу, ибо население столицы, крикливое и кровожадное, похоже, пренебрегало правами провинциалов.

Появление племянницы Доминика Кабаррюса произвело в Бордо некоторую сенсацию, и вскоре в дом судовладельца зачастили молодые люди, опять-таки, из разряда тех, чьи имена впоследствии оказались вписанными в историю Французской революции. Тереза воскресла к новой жизни, чаруя, даруя надежду и ловко удерживая около себя новых поклонников.

Но эта блаженная жизнь продлилась недолго. В парижских верхах с августа 1792 года разворачивалась отчаянная схватка за власть между партиями жирондистов и якобинцев. Жирондисты, в основном представители крупной провинциальной буржуазии, получили некоторую выгоду от революции и считали, что пора бы остановить ее развитие. Якобинцы, представлявшие средние и низшие слои буржуазии, крестьянство и чернь, требовали углубления революционных преобразований для удовлетворения требований своих избирателей. Город Бордо, входивший в вотчину жирондистов, встал на защиту своих представителей в Конвенте, когда в результате очередного народного мятежа 31 мая – 2 июня 1793 года они были изгнаны оттуда.

Дабы вразумить упрямых жителей Бордо, Комитет национального спасения направил туда двух своих представителей, Клода-Александра Изабо и Жана-Ламбера Тальена. Они прибыли в город 16 октября 1793 года. Наиболее осведомленные жители Бордо уже знали, чего можно ожидать от нового «ока Конвента» в городе, ибо ранее Тальен исполнял подобные функции по наведению революционного порядка в Туре.

Комиссар Конвента

Жан-Ламбер Тальен родился в 1767 году в Париже в семье метрдотеля маркиза де Берси. Заметив необыкновенную смышленность мальчонки, маркиз пожелал оплатить его обучение и краснеть за своего протеже ему не пришлось. Жан-Ламбер грыз гранит науки с большой усидчивостью и увлеченностью, а по окончании школы все тот же покровитель помог ему получить место писца у адвоката. Об ту пору Жан-Ламбер любил намекать коллегам, что маркизом де Берси руководил не просто благородный порыв, но нечто большее, а потому в его жилах несомненно течет благородная кровь. Однако переписывание и составление нудных юридических бумаг довольно скоро прискучило молодому человеку, и, когда Францией овладела революционная лихорадка, он бросил это неблагодарное занятие и устроился в типографию графа Прованского⁹, брата короля, дабы быть поближе к тому волшебному месту, где слово воплощается в четкие печатные буквы и листы, брошюруется в тома, полные бездонной мудрости. Там Жан-Ламбер понял, что его истинным призванием является журналистика, опусы которой надо доносить до каждого гражданина Парижа. Ему пришла на ум идея выпускать газету, которая расклеивалась бы на стенах домов. Якобинский клуб согласился взять на себя все расходы по ее изданию, и после неудавшегося побега короля в июне 1791 года на парижских стенах дважды в неделю стали появляться выпуски газеты «Друг граждан».

Лично Тальену это принесло близкое знакомство со многими видными революционными деятелями. Однако теперь он не делал никаких намеков на свое благородное происхождение, а любил подчеркнуть свои плебейские корни, уверяя, что «аз есмь ни что иное как плоть от плоти простого народа». Молодой человек стал играть все более деятельную роль в политике, выступил как один из наиболее решительных вождей при штурме королевского дворца Тюильри 10 августа 1792 года; в этот же день его назначили секретарем Парижской Коммуны, т. е. управления Парижем. Он обагрил свои руки кровью непосредственным участием в сентябрьских убийствах 1792 года и разослал по провинциям знаменитый циркуляр от 3 сентября, рекомендовавший действовать подобным же образом.

⁹ Луи-Станислав, граф Прованский, будущий король Людовик XVIII, младший брат казненного короля Людовик XVI, был любителем чтения. Он собрал библиотеку в 11 тысяч томов и обзавелся собственной типографией.

Марат и Робеспьер с подозрением отнеслись к Тальену, считая его идеологически неустойчивым субъектом, руководствовавшимся лишь карьерными устремлениями, но он сумел избраться в Национальный Конвент как самый молодой депутат от Сены-и-Уазы. Жан-Ламбер стал одним из наиболее ярых якобинцев и отдал свой голос за казнь короля, так что 21 января 1793 года был избран членом Комитета общественной безопасности. Он также активно участвовал в перевороте 31 мая – 2 июня, изгнавшем жирондистов из Конвента.

Жители Бордо уже знали, что Тальен – человек бурных страстей, которые он не привык скрывать. Уже во время краткого пребывания в Туре уполномоченный вызвал возмущение обывателей своими оргиями, а также проявил себя как исключительно продажная личность, торгуя за огромные деньги охранными свидетельствами и паспортами.

Прибытие посланцев Комитета общественной безопасности в Бордо было обставлено весьма помпезно. Сначала в город вошли три пехотных полка числом полторы тысячи человек, под командой генерала Брюно, друга Дантона. Далее ехал экипаж с Изабо и Тальеном, облаченными в совершенно ослепительные мундиры: широкие белые панталоны, синие куртки с красным кушаком, высокие сапоги и характерные шапки с трехцветной кокардой. В глаза бросалась грива длинных курчавых каштановых волос Тальена. Из-под нее в левом ухе поблескивала большая золотая серьга по моде, заимствованной у моряков, которые пересекли экватор. Ротозеи, сбежавшиеся поглазеть на новое начальство, увидели в нем типичного санкюлота, ибо черты его лица были явно простонародными, а плебейские привычки проскальзывали даже в манере сидеть в экипаже развалившись. Изобилие украшений также свидетельствовало о дурном вкусе: пальцы его массивных рук были буквально унижены перстнями с огромными камнями, с изящной цепочки свешивались роскошные часы.

Сторонники якобинцев в Бордо были немногочисленны, так что их попытка устроить комиссарам горячий революционный прием не удалась. Изабо и Тальен обосновались в так называемом Национальном доме и для начала приказали раздать каждой семье карточки с трехцветной окантовкой и шапкой «Свобода, равенство и братство ... или смерть». Жителей обязали вывесить их у входной двери и внести туда имена всех проживавших в доме, дабы никто не смог ускользнуть от революционной бдительности.

К этому времени Тереза решила не злоупотреблять более гостеприимством дяди (вернее, избавиться от надзора родственников) и переехала в небольшой особняк Франклин. С прибытием парижских комиссаров события начали развиваться с угрожающей быстротой. Тальен немедленно послал Робеспьеру письмо, что «духовное возрождение Бордо будет одним из наиболее счастливых событий для революции». На бывшей площади Дофина, ныне носившей название Национальной, воздвигли огромную гильотину; далее был обнародован «Закон о подозрительных лицах», гласивший следующее:

«Подозрительными лицами являются те, которые своим поведением, связями, речами или же письменно оказали себя приверженцами тирании или федерализма и врагами свободы, те, кто не могут законно подтвердить свои средства существования или выполнение гражданского долга; чиновники, уволенные или отстраненные Конвентом; бывшие члены знати, а также мужья, жены, отцы или агенты тех, кто эмигрировал между июлем месяцем 1789 и маем 1792 года, даже если они вернулись во Францию»

Тереза представляла собой прекрасный объект для расправы, ибо подпадала под закон по нескольким пунктам: как бывшая маркиза де Фонтене (возможно, поспешно оформившая развод с мужем, королевским советником, для сокрытия сего факта); как супруга эмигрировавшего аристократа; как переехавшая из Парижа в Бордо, прославившийся своими сепаратистскими настроениями в противоположность декларации, объявлявшей Республику единой и неделимой. Помимо всего этого, она была иностранкой и, вероятнее всего, шпионкой. Ведь молодая женщина прибыла из страны, на троне которой сидел король из династии Бурбонов,

направивший свою армию против Франции. Отец же ее был масоном и также королевским советником. Положение Терезы становилось отчаянным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.